

**КОНСТРУИРОВАНИЕ НАЦИИ:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПУБЛИЦИСТИКЕ
И.С. АКСАКОВА**

Задача, вставшая перед вторым («младшим») поколением славянофилов – перевод славянофильской социальной и политической философии на язык практической политики, применение общих положений славянофильской доктрины к конкретным вопросам текущей социальной и политической жизни быстро меняющегося российского общества.

Первое поколение славянофилов – в лице А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и (отчасти могущего быть к ним причисленного) К.С. Аксакова – стремилось к практической деятельности, использовало все открывавшиеся возможности влияния на общество и власть, однако, вплоть до относительной либерализации политического режима, начавшейся с воцарения Александра II, реальные возможности подобного рода были весьма ограничены. На запрет наталкивались публикации самого отвлеченного философского или литературного плана, даже весьма ограниченные по кругу лиц салоны и кружки, в которых выступали и распространяли свои идеи славянофилы, оказывались подозрительны в глазах властей. В подобных условиях разработка конкретных вопросов общественного устройства, детальное обсуждение практических действий были не только бессмысленным, но и опасным занятием.

Быстрая и существенная либерализация режима, позволившая славянофилам приступить к осуществлению своих публицистических планов (издание «толстого» журнала «Русская беседа» и газет – «Парус», «День», «Москва»), совпала с уходом из жизни первоначальных лидеров движения. В 1856 г. скончался И.В. Киреевский, в 1860 – А.С. Хомяков и К.С. Аксаков. Одновременно другие видные представители славянофильского лагеря – такие, как А.И. Кошелев, Ю.Ф. Самарин, кн. В.А. Черкасский – оказались вовлечены в работу губернских комитетов и затем Редакционных комиссий по крестьянской реформе, а с 1863 г. были

привлечены к работе по земельной реформе в Царстве Польском [9, 67–68].

Таким образом, задача публицистического отражения славянофильских взглядов на политическое и общественное переустройство империи выпала на долю И.С. Аксакова – фигуры, до тех пор пребывавшей относительно в тени более крупных представителей славянофильства. Сам Аксаков понимал свою роль именно как публициста – не сознавая за собой сколько-нибудь значительного теоретического дарования, в своей журнально-газетной деятельности он видел средство распространения взглядов своих друзей и учителей, которые не получили из-за преждевременной смерти возможности сами донести свою позицию до широкой публики. Из этого вытекала вызывавшая насмешки М.Н. Каткова позиция «Дня», критиковавшего те или иные решения с точки зрения славянофильской доктрины, но отказывавшегося в большинстве случаев высказывать собственное мнение о способах решения конкретных вопросов [см.: 7].

И тем не менее ограничиться повторением и популяризацией взглядов своих старших друзей и учителей Аксаков не мог – он оказался, отчасти незаметно для самого себя, вынужден формулировать свои собственные взгляды, искать ответы на вопросы, еще не существовавших для его предшественников. Проблема заключалась в том, что вопросы, обсуждавшиеся в 60-е годы, претерпели существенное изменение по сравнению с теми, что пребывали в центре внимания старших славянофилов в 40-е – 50-е годы – и в первую очередь вопрос о национальной идентичности перешел из области теоретических разногласий в практическую плоскость. Особенную остроту национальный вопрос приобрел после начала польского восстания 1863 г. и привлечения внимания власти и общественности к ситуации в Западном Крае.

Национальная проблематика стала существенной для русской общественной мысли с начала XIX века, что связано с модернизационными процессами и все более осознаваемой невозможностью дальнейшего существования прежней, имперской модели идентичности [см.: 8]. Последняя сформировалась в России на протяжении XVIII века, отчасти заимствовав элементы традиционной московской государственности, отчасти опираясь на современный имперский опыт. Основой данной идентичности вы-

ступала преданность господствующих сословий существующей династии, чья преемственность воплощала единство государства. В начале XIX века кризис прежней, «сословной» модели стал очевиден – начинается процесс все более активного вовлечения масс в политику, оказывается невозможным ограничиваться личной и династической преданностью господствующих сословий, поскольку данная модель отношений не может быть распространена на все более расширяющийся круг субъектов [см.: 12]. Возникает задача сознательного и целенаправленного конструирования государственной идеологии. Ее решением оказывается уваровская «триада»: православие, самодержавие, народность. В обстоятельном исследовании об обстоятельствах возникновения и идейном контексте уваровской программы А.Л. Зорин пишет: «Определив православие и самодержавие через народность, Уваров... определяет народность через православие и самодержавие. [...] Ход мысли, продемонстрированный Уваровым, имел в высшей степени долговременные последствия для идеологии русской государственности.

Действительно, если русским может быть только член господствующей церкви, исповедующий “национальную религию”, то исключенными из народного тела оказываются старообрядцы и сектанты в низших слоях общества и обращенные католики, деисты и скептики – в высших. Точно так же, если народность необходимо предполагает приверженность к самодержавию, любым конституционалистам и паче того республиканцам автоматически отказывается в праве быть русскими» [6, 366].

Однако цели уваровской программы были радикально далеки от изоляционизма – напротив, отчасти вдохновляясь идеями Шеллинга и ориентируясь на романтическое понятие нации [15, 70–71], она была попыткой определить новую – компромиссную идентичность, выдвигая «образ нации» как опору империи. Собственно, здесь и заключалась причина принципиального расхождения между властью и славянофилами. Настороженное и далее враждебное отношение имперского правительства к славянофильству [5, 500] – не случайность и не результат недопонимания, а различия самих исходных целей. Николаевская и Александровская официальная Россия конструировала имперскую идентичность – сначала в полицейском, а затем в либеральном изводе.

Национальному самосознанию в проекте отводилась подчиненная роль, изначально вписанная в рамки имперского (т.е. по определению наднационального и вненационального) проекта.

Славянофилы, напротив, изначально стремились выработать национальную идентичность. Здесь было заложено фундаментальное противоречие имперского и национального проектов. С точки зрения официальной идеологии славянофильский проект был неприемлем, поскольку предполагал замену империи национальным государством (с ассимиляцией малых народностей – и готовностью отдельных славянофилов отказаться, напр., от Польши, как элемента, принципиально не встраиваемого в национальное государство). Хомяков уже в 1845 г. писал: «Россия приняла в свое великое лоно много разных племен, Финнов при-Балтийских, при-Волжских Татар, Сибирских Тугузов, Бурят и др.; но имя, бытие и значение получила она от Русского народа (т.е. от человека Великой, Малой, Белой Руси). *Остальные должны с ним слиться вполне: разумные, если поймут эту необходимость; великие, если соединяться с этою великою личностью; ничтожные, если вздумают удерживать свою мелкую самобытность* [выд. нами – А.Т.]» [14, 27].

В 1863 году, в условиях кризиса, вызванного польским восстанием, выявившим непрочность или, во всяком случае, не бесспорность политической и культурной идентичности Западных губерний, Аксаков писал: «...Нам мало привязанности и преданности внешней целостности Империи, нам нужна еще преданность Русской народности» [4, 103]. Полемизируя с «остзейским крылом» имперской бюрократии, сомкнувшимся в этот период с либеральным направлением в защите принципа наднационального государства, Аксаков отмечал: «...Мысль о том, что Верховный Глава Российской Империи, в состав которой входят Поляки, Немцы и разные другие народы, есть лицо коллективное, соединяющее в себе не только титулы разных царств и владений, но и обязанности, сопряженные с каждым титулом порознь, – такая мысль не новая и довольно распространенная у Немецких Остзейцев и у некоторых наших “федералистов”. По их мнению, Русскому Государю приходилось бы быть первым Поляком с Поляками, первым Немцем с Немцами, и т.д.» [4, 202]. Аксаков, уточняя свою позицию, настаивал на необходимости разграни-

читать два рода вопросов: (1) вопросы гражданского равноправия, свободы вероисповеданий и т.п. и (2) вопрос о национальном основании Российской империи. Защитники оспариваемой Аксаковым позиции стремятся к утверждению наднационального имперского проекта, т.е. говорят о втором вопросе, аргументируя доводами первого. Напротив, на взгляд Аксакова, гражданское равноправие не имеет отношения к обсуждению вопроса о национальных основаниях государства – равенство личных прав подданных не противоречит выделению господствующей нации как основы государственной традиции и государственного быта [4, 204]: «дело идет вовсе о гражданской равноправности и не о свободе вероисповедания, за что мы стоим также горячо, как и защитники новейшей Санкт-петербургской централизации. *Дело идет, у этих господ, о создании какой-то отвлеченной, государственной народности* [выд. нами – А.Т.] или, вернее сказать, – безнародности, обращающейся, в конечном своем результате, на пользу и усиление народности Польской, Немецкой, Еврейской – в ущерб Русской. По нашему мнению, да вероятно и по мнению наших читателей, Русский Государь есть *Русский* Государь, и только, а не Польский, Немецкий и т.д. *Если прочие народности и находятся под защитой его могучей державы, то на том только условии, чтоб эта защита не противоречила выгодам, счастью и благоденствию Русской народности* [выд. нами – А.Т.]. Государство, как внешний покров *народного* цельного организма, может быть крепко только внутреннею органическою силою. [...] Эта органическая сила – народность. Россия не есть совокупность разных племен и народов, сплоченных внешнею материальною связью *государственного* единства, не “агломерат” (по техническому выражению ученых), а живой, цельный народный организм, развивающийся и разросшийся собственно своею внутреннею органическою силою: Россия потому только и Россия, что она Русская; этим она есть, живет и движется, в этом смысл и причина ее бытия, ее *raison d'etre*, как говорят Французы. Вообще, никакое государство никогда не должно упускать из виду зерно своей жизни и силы, истинный родник, причину и основу своего исторического бытия» [4, 203].

Задачи, стоявшие перед национальной политикой согласно Аксакову могут быть структурированы следующим образом:

1) обрусение, усиление русской культуры в тех областях, которые, по мнению Аксакова, традиционно принадлежат к русской культурной общности – имеются в виду преимущественно западные губернии, где польское влияние распространяется на высший слой, а православное большинство населения находится в приниженном положении, поскольку доступ к культуре, подъем по социальной лестнице в этих губерниях невозможен без «полонизации» и, следовательно, отчуждения от русской культуры. Уже в 1867 году, не защищая частностей политики Муравьева, но отстаивая ее принцип, Аксаков писал: «Там, где русское управление – представитель не только русской власти, но и русской народности, русского общества, русской интеллигенции, – необходимо, как мы говорили недавно, чтобы личный правительственный состав, независимо от готовности и способности соблюдать, по обязанности, политические требования государственной службы, был сам частью русского общества, сам проникнут, вполне и искренно, его верованиями, стремлениями и задачами» [4, 479];

2) сохранение национальной самобытности малых культур или окраин. Западные окраины – в первую очередь остзейские губернии – должны перестать пользоваться привилегиями перед губерниями собственно российскими. Окраины, слабые в культурном плане, постепенно подвергнутся ассимиляции культурной, без потребности в каких-либо насильственных или вообще активных действиях со стороны государства. Последнее должно свои усилия направить на укрепление, развитие русской народности – когда русская нация станет сильной, обретет зрелое самосознание, она станет уже по самому факту привлекательной для малых народов;

3) основной проблемой, не имеющей очевидного решения, является Польша. Острота столкновения России и Польши в XIX веке, выразившаяся в восстаниях 1830-31, 1863 годов, многочисленных более мелких волнениях и постоянно сохранявшейся напряженности, объясняется тем, что в основе конфликта лежало столкновение двух национальных проектов – проектов «большой русской нации» и «большой Польши». Польская национальная идентичность, сформировавшаяся на несколько десятилетий раньше, имела своим существенным моментом образ Речи По-

сполитой, т.е. мыслила Западные губернии империи необходимой частью Польши. Публицистическая позиция Аксакова состояла в непризнании подобного понимания Польши через полемическое разграничение понятий государства и народности: «Поляки, как нам Русским известно, хлопочут не о восстановлении прав Польской *народности*, а о восстановлении Польского *государства* в тех исторических пределах, которые оно когда-то имело и которые втрое превышают пределы Польской народности, Польши в собственном смысле. Но историческое основание не есть нравственное основание, исторический факт сам по себе не может служить источником нравственного права и упраздняется последующим историческим фактом. Все это входит уже в область исторической случайности, которая не может быть никогда возводима на степень принципа» [4, 288–289]. Однако сам Аксаков понимал, что утвердить желательное ему положение вещей возможно только путем активной, деятельной, зачастую агрессивной русификация Западного края, вытеснение «польского элемента» из Западных губерний и замещение его русским влиянием. Западный край должен быть безнадежно потерян для Польши – и только когда это будет осознано самими поляками, окажется возможным наладить сосуществование между двумя нациями. До того времени Россия вынуждена насильем удерживать Польшу, выбирая данную политику как «наименьшее зло».

Относительно собственно русско-польских отношений Аксаков полагал, что надежда на нахождение некоего взаимоприемлемого способа сосуществования в рамках единой империи утрачена: «Поляки хотят политической самостоятельности, полнейшей независимости и отдельности. Если мы не хотим этого им дать, то должны откинуть надежду “примирить Польшу с ее положением как части Российской Империи”. В таком случае, т.е. если мы не желаем отказаться от Польши, мы должны отказаться от попыток ввести в ней либерально-легальное управление, иметь теперь задачей не *примирить*, а *усмирить* Польшу» [4, 213]. Конечная цель такой политики должна отчетливо осознаваться – Польша должна обрести государственную независимость, но при условии, что земли западных губерний не отойдут к ней.

Понятие «русской народности» формулировалось Аксаковым в традиционно-славянофильском ключе: «...Русская народность

немыслима вне православия; ...православие есть тот духовный исторический элемент, под воздействием которого сложилась и образовалась русская народность, ...тщетны все попытки выделить из идеи русской народности идею православия, выкачать, так сказать, из нее разными насосами самый воздух и создать из этого обездушенного материала какую-то новую политическую русскую *народность*...» [5, 50].

Православие оказывалось не только принципом, но и важнейшим инструментом проведения национальной политики: «Русская жизнь сложилась так, что православие есть самый могучий рычаг *обрусения*. [...] Православие есть главная духовно-органическая сила русской народности, вне которой у нее останется весьма мало других притягательных свойств, могущих ассимилировать себе другие народности; так напр. у нее нет того обаяния высшей культуры, которое так сильно подчиняет немецкому элементу элемент польский в Познани» [5, 60; 60–61]. Иными словами, славянофильский проект национальной идентичности предполагал конструирование нации на основе вненациональной, в данном случае – религиозной идентичности, в том числе и по причине слабости иных возможных критериев идентичности.

Отметим, что проект имел определенные шансы на успех в 60-е годы, когда процесс складывания украинской и белорусской наций находился в зачаточном состоянии, т.е. сопротивление со стороны «малых» национальных проектов было незначительно [см.: 10] и основным выступало противостояние национальному проекту «большой польской нации» (сконструированному в границах Речи Посполитой). В подобных условиях выдвижение на передний план идентичности религиозной как критерия идентичности национальной имело шансы на успех. В 80-е годы ситуация изменилась – украинское национальное движение успело конституироваться, тем самым значительно снизив «польскую угрозу», а вероисповедный критерий в новых условиях оказывался неадекватным. По существу это был вынужден признать и сам И.С. Аксаков, в статье 1883 г. согласившись с возможностью признать русским человека неправославного вероисповедания [4, 635 сл.]. Данная статья фактически оказалась признанием поражения славянофильского проекта – политическая философия сла-

вянофилов конституировалась через отождествление православия и «рускости», где сущность русской нации определялась как наиболее адекватное выражение существа православия (что давало выход на универсальный, то есть собственно философский план, но одновременно создавало угрозу – реализовавшуюся в 80-е – размывания понятия нации). Дальнейшее развитие славянофильских национальных идей происходило в двух направлениях: (1) Вл.С. Соловьев использовал универсалистские интенции славянофильского учения о церкви и православии, создав в 80–90-е несколько вариаций на эту тему, тогда как (2) т.н. «поздние славянофилы» (в первую очередь Н.Н. Страхов и Н.Я. Данилевский), отказавшись от идеи «вселенскости русского человека», дали вполне вписанный в рамки европейских националистических концепций модель русской нации как «одной из», определяемой через культурную специфику.

Заключение. Позиция «второго поколения» славянофилов, и в частности И.С. Аксакова, внутренне трагична: сформулировав в 40-50-е и активно выступив в 60-е с целостным «образом нации», они оказались вынуждены наблюдать, как время и возможности для реализации их предложений безвозвратно утрачивается и то, что в 60-е могло претендовать на статус реальной программы, к началу 80-х перешло на положение «романтической утопии». Вместе с тем имперская администрация и не могла принять славянофильский проект, не исчерпав возможностей сохранения имперской модели. Кризис империи в 70-х – начале 80-х годов привел к радикальному повороту во внутренней политике – была сделана ставка на формирование русского национального самосознания как основы существующей государственности. Но в этих условиях выбор был сделан в пользу значительно более простого, техничного и, как на тот момент представлялось, позволявшего совместить имперскую традицию с новой национальной, проекта «политической нации» М.Н. Каткова.

Список использованной литературы:

1. [Аксаков, И.С.] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 1: Учебные и служебные годы. Т. 2: Письма 1848–1851 годов / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1888. – 409+56 с.

2. [Аксаков, И.С.] Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Ч. 2: Письма к разным лицам. Т. 4: Письма к М.Ф. Раевскому, к А.Ф. Тютчевой, к графине А.Д. Блудовой, к Н.И. Костомарову, к Н.П. Гилярову-Платонову. 1858–86 гг. / И.С. Аксаков. – СПб.: Издание императорской публичной библиотеки, 1896. – IV+297+30 с.
3. Аксаков, И.С. Сочинения. В 7 т. Т. I: Славянский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси». Речи в Славянском Комитете в 1876, 1877 и 1878 / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и Ко.), 1886. – VII+791 с.
4. Аксаков, И.С. Сочинения. В 7 т. Т. III: Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы», «Москвича» и «Руси» / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и Ко.), 1886. – VII+844 с.
5. Аксаков, И.С. Сочинения. В 7 т. Т. IV: Общественные вопросы по церковным делам. Свобода слова. Судебный вопрос. Общественное воспитание. 1860–1886. Статьи из «Дня», «Москвы» и «Руси» и три статьи, вышедшие отдельно / И.С. Аксаков. – М.: Типография М.Г. Волчанинова (бывшая М.Н. Лаврова и Ко.), 1886. – VII+770 с.
6. Зорин А.Л. Кормя двухглавого орла... Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII – первой трети XIX века / А.Л. Зорин. – М.: Новое литературное обозрение, 2004. – 416 с.
7. Катков, М.Н. Собрание передовых статей «Московских ведомостей». 1863 год / М.Н. Катков. – М.: Издание С.П. Катковой, 1897. – VI+785 с.
8. Койре, А. Философия и национальная проблема в России начала XIX века: [пер. с фр. А.М. Руткевича] / А. Койре. – М.: Модест Колеров, 2003. – 304 с.
9. [Кошелев, А.И.] Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 – 1883 годы). С семью приложениями / А.И. Кошелев. – М.: Наука, 2002. – 475 с.
10. Миллер, А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.) / А.И. Миллер. – СПб.: Алетейя, 2000. – 260 с.

11. *Никитенко, А.В.* Записки и дневник (1826–1877). В 3 т. Т. II / А.И. Никитенко. – СПб.: Типография А.С. Суворина, 1893. – 498 с.
12. *Уортман, Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 1: От Петра Великого до смерти Николая I: [пер. с англ. С.В. Житомирской] / Р.С. Уортман. – М.: ОГИ, 2004. – 605 с.
13. *Уортман, Р.С.* Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии. В 2 т. Т. 2: От Александра II до отречения Николая II: [пер. с англ. И.А. Пильщикова] / Р.С. Уортман. – М.: ОГИ, 2004. – 796 с.
14. *Хомяков, А.С.* Полное собрание сочинений. Т. I / А.С. Хомяков. – М.: Университетская типография, 1900. – VIII+408 с.
15. *Шевченко, М.М.* Конец одного Величия: Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительных реформ / М.М. Шевченко. – М.: Три квадрата, 2003. – 256 с.